

Тем временем в Поместье Жунго жизнь забила иным ключом. Стоило Линь Лану уехать, как Матриарх призвала к себе господ обеих ветвей рода. Она громогласно объявила, что отныне бразды правления ложатся в ее собственные руки, и потребовала от госпожи Ван немедленно сдать ключи от кладовых и приходные книги. Старая госпожа без обиняков вскрыла все давние прегрешения, строго-настрого запретив Ван Сифэн и ей впредь соваться в домашние дела. Более того, верным слугам Матриарха было велено обыскать покои влиятельных прислужников и управляющих. Всех, кто, прикрываясь именем господ, бесчинствовал на улицах или крал семейное имущество, решено было на следующий же день заковать в кандалы и отправить в Управу Шуньтянь для суда по всей строгости закона.

Челядь дома Цзя наконец осознала, сколь суров нрав старой госпожи. Старожилы поместья припомнили былую грозу Матриарха — в молодые годы она держала всех в таком страхе, какой нынешней Сифэн и не снился.

Сама же Сифэн, лишившись власти, поначалу тревожилась, что слуги вовсе отпустятся с поводка, но решимость Матриарха превзошла все ожидания. После столь жестокой острстки никто из слуг больше не смел мошенничать или утаивать правду. Напротив, Сифэн ощутила небывалую легкость: скинув с плеч тяжкое бремя забот, она смогла уделить время мужу. Былые раздоры между ней и Цзя Лянем утихли; супружеское согласие вернулось, став еще крепче, чем в первые дни после свадьбы — теперь между ними не нашлось бы места даже для верной Пин-эр.

Баорышни дома Цзя, глядя на столь стремительные перемены, безмолвно покорились новой доле. Их голоса в семье мало что значили, вмешиваться в дела старших им не дозволялось, да они и сами толком не понимали, с чего вдруг устоявшийся уклад зашатался.

Для госпожи Ван случившееся обернулось несмываемым позором. Выслушать суровый выговор Матриарха на глазах у старшей ветви и собственного мужа — для нее это было невыносимой мукой. Вернувшись в свои покои, она вдобавок рассорилась с Цзя Чжэном, после чего тот, хлопнув дверью, ушел ночевать к наложнице Чжао. Обида и злость душили госпожу Ван, но поделать она ничего не могла. Боясь, что прислуга во главе с женой Чжоу Жуя примется докучать ей слезными просьбами о заступничестве, она объявила, что запирается в домашней молельне для покаяния. Отныне она не принимала никого, кроме Баюя и Цзя Чжэна, решив отгородиться от всего мира.

На следующее утро Линь Лан, следуя вчерашнему наказу учителя Линъюнь-цзы, поднялся с первыми петухами и поспешил к его дому, откуда они вместе отправились в императорский дворец.

Шагая вслед за наставником по бесконечным переходам, юноша ступал осторожно, не смея поднять глаз или сделать лишний шаг в сторону. Он прекрасно понимал, чем грозит малейшая оплошность в этих стенах, и не желал навлекать беду на свою семью. Линъюнь-цзы, подмечая непривычную степенность ученика, лишь молча кивал с одобрением. Доведя юношу до дверей Императорского кабинета, учитель оставил его одного и удалился по своим делам.

Войдя внутрь, Линь Лан понял, что явился загодя. Никого из принцев или их высочеств еще не было, однако спутники их в учении уже собрались в полном составе. Обменявшись с ними вежливыми приветствиями и коротко познакомившись, Линь Лан с их подсказки отыскал свободное место и устроился за столом.

Вскоре один за другим стали прибывать августейшие особы. Линь Лан поднялся, приветствуя их глубоким поклоном, и вновь сел. Наблюдая за ними со стороны, он быстро подметил, что молодые принцы не выказывают к нему ни малейшего интереса, а внуки императора во всем подражали своим дядьям. В этот первый день юноша оказался в полном одиночестве, окруженный стеной холодного равнодушия. Впрочем, иного ожидать и не приходилось: хоть он и попал во дворец по прямому указу государя, его отец, Линь Жухай, занимал пост всего лишь третьего ранга, да к тому же служил в провинции. Здешняя же публика происходила из семей исключительного величия. Не говоря уж о самих принцах, даже их спутники в учении принадлежали к влиятельнейшим родам столицы. Зачем им тратить время на сына провинциального чиновника?

К тому же все прекрасно знали, что Линь Жухай некогда числился среди сторонников покойного наследного принца. Теперь, когда прежний преемник был низложен и лишен всякой надежды на престол, отец Линь Лана фактически превратился в отыгранную фигуру. Без чуда ему вовек не вернуть былого веса при дворе. Разве что император, помня о его беззаветной преданности, пожалует старику какую-нибудь почетную грамоту или посмертный титул, когда тот решит уйти на покой или безвременно скончается в своей глуши. Но подобные почести хороши лишь на бумаге, практической пользы от них не было никакой.

Один день, проведенный в Императорском кабинете под гнетом всеобщего пренебрежения, обнажил перед Линь Ланом всю глубину той пропасти, над которой повисла его семья. Но сделать он ничего не мог. Тяжелые, мрачные думы камнем легли на сердце, однако юноша сумел совладать с собой: прощаясь со сверстниками, он неизменно улыбался, скрывая тревогу под маской вежливости.

Когда на пути встает глухая стена, остается лишь одно — пробивать ее лбом. Линь Лан не принадлежал к тем, кто пасует перед трудностями; он готов был биться до крови, но не отступать.

Его наставник Линьюнь-цзы давно разглядел в нем то же безумное упрямство и скрытую гордость, какими обладал сам. Линь Лан умело прятал эти черты под маской кротости, но если уж он что-то задумывал, то готов был костями лечь, лишь бы добиться своего.

Едва Линь Лан вернулся в Поместье Жун, как за ним прислали от Матриарха.

«Меньше споров — крепче спишь», — подумал юноша и, напустив на себя самый унылый вид, отправился в Зал Жунси.

Стоило ему переступить порог, как старая госпожа всполошилась:

— Дитя мое, что с тобой? Лица на тебе нет.

Линь Лан сокрушенно вздохнул:

— Да так... В Императорском кабинете сегодня со мной никто и словом не обмолвился.

Старая госпожа нахмурилась:

— Неужто ты успел повздорить с кем-то из молодых господ?

— Ну что вы, как я мог! — обиженно протянул Линь Лан. — Разве только... из-за той давешней драки?

— Драки? — встревожилась Матриарх. — Кого же ты умудрился побить?

— Да я и сам толком не знаю, — беспечно пожал плечами юноша. — Кажется, кого-то из внуков покойного герцога Чжэньго.

— Беда, сущая беда! — всплеснула руками старая госпожа. — Как у тебя рука поднялась на внука самого герцога?!

— Он первый полез, — упрямо буркнул Линь Лан. — Мне что, стоять и ждать, пока поколотят? Нет уж, у нас в семье так не заведено. Раз они не желают со мной знаться, так и мне до них дела нет!

— Глупости не говори! — прикрикнула Матриарх. — В первый же твой выходной отправишься к нему с повинной, да проси прощения поклонившись пониже!

— Еще чего, — фыркнул Линь Лан. — Бабушка, я с дороги притомился. Позвольте откланяться.

Не дожидаясь ответа, он круто развернулся и вышел вон, оставив Матриарха в крайнем замешательстве. Подобная дерзость уязвила старую госпожу, и неприязнь к внуку в ее сердце лишь укрепилась.

Вернувшись в свои покои, Линь Лан узнал, что Дайюй ушла к сестрам и еще не возвращалась. Служанка Хэжу встретила его у порога и протянула узкую полоску бумаги:

— Господин, только что доставили весточку от хозяина. Голубиная почта.

С замиранием сердца Линь Лан ушел в кабинет. Развернув записку, он прочел написанные знакомым почерком строки: «Ни о чем не тревожься, прилежно учись и жди моего приезда в

столицу».

Тяжесть, давившая на грудь, мгновенно испарилась. Прежде Линь Жухай никогда не баловал сына лаской — хоть Лан-эр и был его единственным наследником, отец всегда держал его в строгой узде, следуя заветам предков.

Все переменялось после того страшного дня в Гусу. Местные чиновники, которых Линь Жухай держал в ежовых рукавицах, сговорились с соляными торговцами и похитили Линь Лана, надеясь выторговать послабления в надзоре за соляным промыслом. Юношу в конце концов вызволили живым и невредимым, однако плен глубоко ранил его душу и тело. С тех пор он не выносил чужих прикосновений, запрещал слугам приближаться к себе и ни единым словом не обмолвился о том, что претерпел за те черные дни.

Сердце Линь Жухая разрывалось от раскаяния: он винил себя в том, что не уберег единственного сына. Суровый наставник уступил место любящему, заботливому отцу. Лишь этим раскаянием и можно было объяснить появление столь теплого, ободряющего письма.

Строки отцовского письма вернули Линь Лану утраченный покой. В глазах юноши Линь Жухай всегда оставался безупречным мужем — мудрым стратегом, способным сохранить хладнокровие в любой буре. Отец был его главным ориентиром, нерушимой скалой, на которую хотелось походить во всем.

Бывает уверенность, которую способен подарить лишь отец. Именно поэтому учитель Линьюнь-цзы не тратил слов на пустые утешения — он знал, что только Линь Жухай способен исцелить душевные раны сына. И действительно: невидимая струна, натянутая в груди Линь Лана с самого приезда в столицу, наконец ослабла.

Душевное облегчение тотчас отразилось в его каллиграфии. Домашнее задание Линь Лан выполнил безупречно, а летящие, уверенные взмахи кисти придали его сочинению особый блеск. На следующий день старый наставник, толковавший им Четверокнижие, остался крайне доволен работой Линь Лана и даже прилюдно похвалил его перед всеми учениками.

Юноша счел это добрым знаком. Старый учитель славился крутым нравом и педантичностью, даже с царственными отпрысками он держался сухо и сурово, но сегодня, разглядывая свиток Линь Лана, он смягчился и посмотрел на него с редким одобрением. Впрочем, Линь Лан прекрасно понимал причину: старик превыше всего ценил истинное трудолюбие. Великолепный почерк юноши свидетельствовал о годах упорных тренировок, что для искушенного наставника было лучшим доказательством прилежания. Оценив это рвение, учитель стал относиться к Линь Лану с непривычной мягкостью.

Покровительство старого наставника помогло Линь Лану сделать первый шаг к сближению со сверстниками.

Два месяца спустя, когда занятия подошли к концу, Четырнадцатый принц Ту Ли негромко окликнул его:

— Эй, Линь Лан! Есть планы на вечер?

Юноша отложил кисть:

— Никаких. А что такое?

Ту Ли заговорщически наклонился ближе и прошептал:

— Мы собираемся заглянуть в Терем Изумрудных Облаков. С нами пойдешь?

Линь Лан удивленно приподнял бровь:

— Но как же дворцовые правила? Ворота ведь запрут на ночь, как ты вернешься назад?

— Пустяки! — отмахнулся Ту Ли. — Переночую у брата, а завтра мы с ним вместе приедем на занятия. И волки сыты, и овцы целы!

Поняв, что вопрос с ночлегом решен, Линь Лан кивнул:

— Что ж, идет. А кто еще с нами?

— Да только свои, никого постороннего, — вмешался в разговор Тринадцатый принц Ту Син.

Линь Лан усмехнулся:

— Ему есть где приклонить голову, а ты-то где спать собираешься?

— Да у него же и заночую! — хохотнул Ту Син. — Перебьюсь как-нибудь на кушетке. Идем скорее, не то опоздаем!

— Куда опоздаем? — спросил Линь Лан, собирая письменные принадлежности в ларец.

Ван Шанпинь, спутник Четырнадцатого принца, поспешил пояснить:

— Брат Линь, ты разве не слышал? Сегодня в Тереме Изумрудных Облаков устраивают ежегодное состязание куртизанок. Туда съедутся первейшие красавицы со всей столицы. Если замешкаемся, пропустим самое начало!

Убрав вещи, Линь Лан лукаво прищурился:

— Так вы, выходит, решили...

Ту Ли по-свойски приобнял его за плечо:

— Ишь чего удумал! Оставь свои грязные мыслишки, я, между прочим, храню чистоту ради будущей супруги!

Когда они гурьбой покидали Императорский кабинет, Ту Син не упустил случая поддеть брата:

— И ради кого же это ты «хранишь чистоту», а? Назови-ка имя, дай посмеяться!

Ту Ли, ляпнувший глупость не подумав, вспыхнул и шутливо бросился на обидчика с кулаками. Линь Лан ловко вклинился между ними, удерживая Четырнадцатого принца за плечи:

— Полно вам, мы же торопимся! Пощади его пока, а на месте припомнишь ему всё разом.

Ту Ли рассмеялся, опуская руки:

— Ладно уж, твоя правда. Но берегись, тринадцатый брат, я тебе это еще припомню!

— Ловлю на слове! — отозвался Ту Син с неизменной удалью. — Посмотрим, кто из нас заговорит пощады!

Линь Лан обладал незаурядной, благородной внешностью, легким нравом и был лишен того заносчивого высокомерия, коим часто грешили отпрыски знатных фамилий. Неудивительно, что он быстро сошелся со сверстниками.

Учеников в Императорском кабинете было не так много, но и малочисленным этот круг назвать было нельзя. Сверстниками Линь Лана, сидевшими с ним за одними партами, были лишь Тринадцатый и Четырнадцатый принцы. Пятнадцатый скончался во младенчестве, а Шестнадцатый и Семнадцатый были еще совсем крошками — один лежал в колыбели, а другой едва начинал лепетать первые слова.

Старших сыновей у императора хватало. Первенец, некогда носивший титул наследного принца, уже покинул этот мир. Второй принц оказался замешан в давнем мятеже старшего брата и по сей день томился под домашним арестом. Четвертый принц также провел долгие годы в заточении и лишь недавно обрел свободу, уединившись в своей усадьбе среди буддийских сутр и вегетарианских постов.

Третий принц от рождения отличался слабым здоровьем и вел затворническую жизнь, почти не покидая покоев своего поместья.

Пятый принц, Принц Шэнь, который приходился Ту Ли родным братом, ныне занимал должность в Министерстве ритуалов. Впрочем, на фоне остальных братьев он казался фигурой малозаметной: Шестой принц ведал делами в Министерстве чинов, Седьмой — в Министерстве финансов, Восьмой распоряжался в Военном министерстве, Девятый курировал Министерство работ, а Десятый надзирал за Министерством наказаний. Выделялся среди них Одиннадцатый принц Ту Вэй — он не обременял себя государственной службой и проводил дни в праздных прогулках, однако император, вечно хмурившийся на трудившихся в Шести министерствах сыновей, питал к нему необъяснимую слабость. Тринадцатый принц Ту Син приходился Одиннадцатому родным братом, но государь не жаловал его подобным вниманием. Недавно Ту Вэй отбыл по делам в Гусу, из-за чего Ту Сину и пришлось напрашиваться на ночлег к Ту Ли.

Помимо двух принцев, в кабинете обучались четверо юных императорских внуков — среди них были законные сыновья Пятого, Восьмого и Девятого принцев. Каждого из них также сопровождал верный спутник в учении.

Разумеется, брат племянников в Терем Изумрудных Облаков никто не собирался: почтенным дядьям не пристало приобщать малолетних родственников к подобным взрослым забавам. А потому в веселое заведение отправились лишь Линь Лан, оба принца и двое их спутников в учении.

<http://bllate.org/book/18219/1758023>